

Паола Дзаннонер

Зорро в снегу

*Перевод с итальянского
Юлии Гиматовой*

Москва **КомпасГид**
издательский дом

2018

УДК 821.131.1-053.6
ББК 84(4Ита)6-44
Д43

Автор обложки — Татьяна Перова

Дзаннонер, Паола.

Д43 Зорро в снегу : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Паола Дзаннонер ; пер. с итал. Ю. Гиматовой ; [авт. обл. Т. Перова]. — М. : КомпасГид, 2018. — 176 с. — (Подросток N).
ISBN 978-5-00083-533-3

Зорро — из тех собак, которых с самого раннего детства натаскивают быть ищейками. Он послушный, тихий, предельно внимательный — а главное, он может учуять человека даже в глухом лесу. Или под толщей снега. Спасать попавших в беду для Зорро — не только работа, но и наслаждение. И первым, кто выразил псу благодарность, стал Лука — 19-летний сноубордист, которого в один злополучный день накрыла лавина.

Лука не просто благодарен Зорро — глядя на его ежедневные подвиги, парень решает изменить жизнь и стать профессиональным волонтером «Альпийской помощи». А для этого ему необходим собственный четвероногий спутник. Щенок Паппи из собачьего приюта может им стать. Там же, в приюте, Лука знакомится с удивительной девушкой Мари, но с ней так трудно найти общий язык! И лишь Зорро помогает это сделать.

Истории Зорро, Луки и Мари поразительным образом переплетаются, раскрывая перед читателем психологию каждого героя — включая собаку. Повесть итальянской писательницы Паолы Дзаннонер (родилась в 1958 году) равно интересна подросткам и взрослым. На родине она завоевала несколько крупных литературных наград: Castello (2016), Bancarellino (2015), Asti d'Appello Junior (2017).

Повесть «Зорро в снегу» современна, откровенна и правдива: в героях легко узнать своих друзей, вот только не каждый друг так подробно рассказывает о невидимых сторонах жизни. Впрочем, не каждый друг может что-либо рассказать: собака-спасатель, к примеру, вынуждена молчать — Паола Дзаннонер исправляет эту несправедливость.

УДК 821.131.1-053.6
ББК 84(4Ита)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as Zorro nella neve
by Paola Zannoner
First published in 2014 by Editrice II Castoro
Viale Andrea Doria 7 20124 Milano (Italia)
www.castoro-on-line.it
© 2014 Editrice II Castoro. All rights reserved
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-533-3

1. Погребенный в снегу

Лука открывает глаза. Темнота. Но он знает, где оказался. Двигаться под снегом невозможно. Кажется, будто на тебя давит огромный камень. Лука жив, он дышит. Он начинает кричать, звать на помощь, но голос не может пробиться сквозь ловушку земляных стен. Если бы только дотянуться до телефона в кармане... Но снег сковал Луку, словно смирительная рубашка, не вытащить ни руки, ни ноги. Он превратился в скрюченную мумию, которая каким-то чудом до сих пор дышит.

Лука катался на сноуборде. Хвастался своим мастерством, петлял между деревьями, словом, чувствовал себя на все сто. Он один, он свободен. Изъезженная трасса, которая давно превратилась в воду и грязь, осталась далеко. Рядом нет бестолковых новичков, которые вечно путаются под ногами. Попробуй только окажись перед ними — сразу пугаются и бегут жаловаться администраторам, а те всегда рады устроить тебе взбучку. С вами, сноубордистами, вечно одни проблемы, ругаются они. С кем это — с вами? Лука почти всегда катался один. Позвать друзей на гору — задача посложнее, чем устроить званый ужин. Их, видите ли, нужно предупредить о поездке аж за неделю. Хотя всем известно, что кататься лучше всего сразу после того, как выпал свежий снег. А снег не предупреждает заранее о своем появлении. Вот как сегодня: утреннее небо, казалось, покрывала лазурная эмаль, а сверкающий снег слепил глаза.

В общем, сегодня Лука решил проехать по сложному склону. «Заеду за те деревья на минуту», — мелькнуло у него в голове. Но тут доска обо что-то ударилась — кочка! — и ее мотнуло в сторону, Лука на полном ходу врезался в ствол ели и начал скатываться вниз. Именно в этот злополучный момент раздался странный шум. Не раскат грома, не гул самолета. Будто что-то огромное и неумолимое движется со склонов. И следом неизвестно откуда — уж точно не с лазурного неба — пошла лавина, похожая на волну ледяной пены. Возможно, она, притворяясь морской волной, спустилась с горы, чтобы поиграть с Лукой, который притворялся серфером. Лавина поглотила его, как кит рыбку, и теперь он оказался в глухом темном чреве этого снежного кита. Слезы бегут и бегут по щекам — до чего бессмысленно и нелепо вот так погибнуть! Хуже мышинной смерти в мышеловке.

Лука долго пытался выбраться. Он начал дрожать, зубы стучали, как у мультяшных героев. Он мотал головой, кричал, стянул с рук перчатки и решил копать. Но куда? Наверх? Вниз? В сторону? Он вспомнил, как в одном фильме героиня, которую похоронили заживо, голыми руками прорыла себе путь из могилы. Лука выругался и, содрогаясь от рыданий, еще отчаяннее впился пальцами в ледяную землю. Да уж, в кино это выглядело проще некуда, а на деле ты словно пытаешься пробить цемент пальцами-ледышками. Вскоре дрожащий от холода Лука снова надел перчатки.

Он опустил голову, молясь о том, чтобы к нему на помощь отправили вертолет. Все же видели лавину, люди

должны были поднять тревогу! Нужно успокоиться, не позволять панике охватить себя. Даже если паника уже победила и по щекам вовсю катятся слезы. Успокойся, сказал Лука сам себе. Тебя накрыла лавина, но воздух еще есть. У тебя с собой телефон, тебя найдут. Должны найти.

Но вокруг стояла удушливая тишина — ни шума вертолетов, ни криков. Телефон молчал — возможно, он промок или разбился. Но это никак не проверить: ноги застряли в снегу, и у Луки не получится до них дотянуться.

Луке кажется, что он заснул. В снегу холодно, но не слишком. Все-таки термокостюм придуман не зря, к тому же Лука помочился, и тепло распространилось по всему телу. Парень, словно мантру, продолжает повторять: я все еще жив, я невредим, они придут за мной, я не вернулся домой и не отвечаю на звонки, отец уже поблизости и позвонил спасателям. Я не должен паниковать, и точка.

Лука замолкает. Похоже, его оптимистичные мысли пробили ледяную могилу, потому что внезапно он слышит голоса, очень далекие, но все же голоса людей. Лука прислушивается: нет, он не бредит. Его сердце вот-вот выпрыгнет из груди: это и правда люди.

— Помогите, я здесь! — кричит он изо всех сил. Затем набирает в легкие как можно больше воздуха и снова кричит: — Я здесь, я здесь! Помогите, помогите!

Кажется, что его слова застревают в снегу. Наверху по-прежнему слышны крики: «Лу-ка, Лу-ка, Лу-ка...»

— Я здесь, черт побери, я здесь!

— Лу-у-ука, Лу-у-ука, Лу-у-у...

Голоса отдаляются, злорадные, словно русалочий зов. С каждой секундой они слабеют и наконец исчезают. «Я здесь», — шепчет Лука.

«Я здесь», — рыдает он.

Тишина. Холод, который властвует в этих местах, охватывает его. Холод закрывает Луке глаза и сжимает его в цепких объятиях. Холод убаюкивает его своим шепотом, и Лука засыпает, уверенный в том, что больше никогда не проснется.

2. Зорро

Зорро наострил уши, поднял голову. Походку Бруно невозможно не узнать. По телу пробежал электрический заряд радости, Зорро вскочил и завил хвостом. К нему идет Бруно, его друг, его хозяин, а вместе с ним после сонного домашнего дня приходят развлечения. Джада без конца повторяет, что он может выбежать в сад и размять лапы. Но Зорро уже выучил каждый квадратный сантиметр этого покрытого снегом клочка земли. Там нет ничего интересного. Джада тоже его друг, но она не похожа на Бруно. Она не знает того, о чем знает он. Она не может ходить или бегать, как Бруно, потому что моментально устает. Ей нравится воткнуть в уши наушники и развалиться на кровати в своей комнате. Зато Джада иногда разрешает Зорро забраться на постель, разумеется, тайком от Бруно. Она его гладит, треплет за ушами, и Зорро в такие моменты согласен вечность пролежать на мягком одеяле. Теперь Зорро услышал шаги Бруно. Он вскочил и побежал к двери еще до того, как Бруно повернул ручку и вошел в дом. Зорро уже наготове, он неподвижно смотрит на дверь. Бруно заходит и здоровается с ним:

— Привет, Зорро, привет, красавец.

Бруно кладет руку на шею Зорро, и тот прикрывает глаза от удовольствия. Он узнает эту руку из миллиона, отличит запах Бруно от миллиона других. От Бруно пахнет чем-то острым — табаком и кожей, потом и лосьоном после бритья, грязью и травой, прилипшей к ботинкам. От этого запаха у Зорро расширяются ноздри.

Он внимательно смотрит на Бруно, и в его глазах читается вопрос: мы пойдем гулять? Ты ведь пришел, чтобы погулять со мной?

— Весь день дома, да? — интересуется Бруно. В его голосе чувствуются нотки раздражения. Зорро открывает пасть. Да, мы весь день дома, Джаде было холодно. Из собачьей пасти не вырывается ни звука. Но Бруно все понимает.

— Синьорине было холодно, и она не погуляла с тобой, — заключает он, поглаживая собаку по шее. — Сейчас мы это исправим, дай мне только сделать кофе.

Порой к колючему запаху Бруно добавляется запах кофе и дыма. От Джады пахнет по-другому: сахаром и цветами, мылом и конфетами. Очевидно, конфеты запрещено есть не только собакам, но и людям, потому что от Бруно не пахнет ни конфетами, ни молоком, запах которого Зорро помнит, но не любит. Он не радуется так, как запах еды, воды или собачьего лакомства. У Зорро текут слюнки лишь от одной мысли об этих вкусностях.

Аромат свежесваренного кофе быстро заполнил кухню и вытеснил практически все остальные запахи. Наконец входит Джада. На ней шерстяные гетры и теплый свитер.

— Привет, пап, как дела?

Бруно поворачивается к ней. Его ясные голубые глаза смотрят в ясные карие глаза Джады. Зорро знает, что сейчас произойдет. Джада, словно щенок, опустит глаза. У Бруно взгляд вожака, взгляд волка, его невозможно выносить долго. Если выстоять перед этим взглядом, не опустить глаза, значит, ты бросаешь вожаку вызов, а вожак не терпит вызова. Он больше не назовет тебя красавцем, не отправится на прогулку, не захочет играть,

не бросит красный мячик и не побежит вместе с тобой по полю. Вожаку не нужен тот, кто бросает ему вызов.

Но Джада не опускает глаза. Зорро нервничает и принюхивается к воздуху. Назревает буря. Он чувствует вибрацию, похожую на ветер перед грозой. Зорро прав: нельзя бросать вызов вожаку.

— Все в порядке, — морщится Бруно, намекая на то, что ничего на самом деле не в порядке. — А у тебя?

Карие глаза смотрят на Бруно с самым невинным выражением.

— Хорошо, а что? — звонко отвечает Джада.

— Ну конечно, хорошо, — бормочет Бруно.

И почему Джада не понимает, что вожак рычит и пора делать ноги? Если бы Зорро только мог, он бы схватил девочку за загривок и унес в комнату. Но Джада слишком большая и тяжелая, и к тому же она дочь Бруно, значит, это его обязанность. Зорро снова принюхивается к воздуху и от неожиданности даже издает короткий вой — до того он наэлектризован.

Бруно переводит взгляд на Зорро, знаком приказывает ему сесть, и собака слушается. Тем временем Джада фыркает:

— Ну пап! В чем дело? Не успел вернуться домой и сразу злишься.

Бруно хмурится. Зорро чувствует, что он ужасно раздражен. Наверное, Бруно сейчас повысит голос... Но нет, он говорит спокойно. Вожак просто немного ворчит.

— Да, я злюсь. Посмотри, в каком состоянии кухня. Посмотри на себя — ты только что проснулась или уже готовишься ко сну, раз ходишь в пижаме? Уверен, что ты весь день просидела за компьютером и даже не погуляла с Зорро.

Собака тревожно поднимает уши. Он здесь ни при чем, он ничего не сделал!

— Зорро, Зорро... ты только о нем и думаешь! Собаке хорошо дома, к тому же на улице слишком холодно, и я плохо себя чувствую.

— Одни и те же оправдания. Ну конечно, ты плохо себя чувствуешь. Так плохо, что и домашнюю работу наверняка не сделала, и в школу завтра не пойдешь, да? — раздраженно спрашивает Бруно. Вожак показывает клыки, показывает, кто здесь самый сильный.

— Слушай, пап! — Джада резко хлопает себя руками и вскидывает голову. Нет, она и не думает сдаваться. Наоборот, продолжает наступать на вожака. — Что с тобой? Ты приходишь домой, даже не здороваешься и сразу же начинаешь читать нотации. Домашнее задание я только что доделала, а уборка кухни — не моя обязанность.

— А чья же тогда? Мама целыми днями работает. Думаешь, она обрадуется, когда увидит весь этот бардак? — Бруно показывает рукой на грязные кастрюли в раковине, разбросанные в беспорядке банки и тарелки.

— Я приготовила ей вкусный пирог. Но ты же этого не заметил, да? Ты видишь только то, что я не сделала! — у Джады слегка дрожит голос. Ее запах становится более острым. Более напряженным, резким, как пот. Зорро хотелось бы подойти к девочке и лизнуть ей руку в знак утешения. Но этого делать нельзя, иначе Бруно разозлится. Он и так на взводе.

— Ах вот оно что — пирог. Молодец. И что, мы теперь должны тебя похвалить? И закрыть глаза на все остальное? Посмотри на этот беспорядок. Сегодня воскресенье,

мы работаем, но ты об этом, конечно, даже не подумала. Ты печешь пирог, а о более неприятных вещах пусть думает кто-нибудь другой, да?

— Ты только и умеешь, что критиковать, — Джада едва сдерживает слезы.

— Я твой отец, это моя работа.

Зорро по-прежнему смотрит на Бруно, который допил кофе и моет чашку под краном.

— Какая работа, пап? Мне это надоело. Я тебе не собака, я не обязана подчиняться! — с надрывом говорит Джада. Последние слова она произносит особенно громко.

— Да как ты смеешь? — кричит Бруно. В этот момент Зорро выбегает из комнаты. Пусть люди разбираются без него. Характер у девочки как у вожака, и она не собирается отступить.

Джада кричит:

— Еще как смею! А что, нельзя? Мы что, в тюрьме?

Зорро семенит по коридору в поисках места, в котором не будет слышно ругани. Воздух слишком наэлектризован, и к тому же Зорро не знает, на чью сторону встать. Кого выбрать — Бруно или Джаду? Но ведь они все — в одной стае. Было бы куда проще, если бы вызов Бруно, Джаде или Мелании бросил кто-то посторонний. Тогда Зорро знал бы, за кого заступиться. Он бы даже оскалил зубы.

Но между Бруно и Джадой выбирать нельзя. Нельзя лизнуть руку девочке или зарычать на нее. А уж на Бруно — и подавно. Зарычать на своего друга? Об этом и подумать нельзя. Может, Бруно и на Зорро тоже сердится? Ведь он лежал с Джадой на постели, с удовольствием

развалился на ее одеяле... Лучше, пожалуй, ненадолго скрыться с глаз Бруно. И помечтать о прогулке. Зорро уже чувствует запах земли и свежего снега, исходящий от подошв Бруно. Как же здорово! Зорро обожает снег: его плотность, рассыпчатость, запах. Ему нравится чувствовать снег на шерсти и на языке. Он очень любит бегать по холмам, пока Бруно катается рядом на лыжах. Теперь Зорро надеялся именно на такую прогулку: Бруно на лыжах, Зорро бежит следом. Или, возможно, он займется слаломом, побежит змейкой между стойками, как его учил Бруно. Почему Джада не любит снег? Бегать в снегу так здорово, так весело. Почему они не гуляют все вместе, как раньше, когда Зорро был щенком, а Джада — ребенком? Зорро превратился во взрослого пса, да и Джада стала выше ростом, округлилась. С этого момента в стае и началась борьба. Может, Джада хочет стать вожаком? Но это ведь невозможно: Джада — самка, как и Мелания. Бруно — самец, и он принимает решения, он знает все. Он умеет бегать, карабкаться, взбираться на скалы, скользить по снегу, даже летать. Зорро доверяет ему, подчиняется, следует за ним, и ему весело и хорошо. Он счастлив. Так что же не нравится Джаде?

Зорро свернулся клубочком в кресле в спальне Бруно и Мелании. Он положил морду на лапы и вздохнул. Здесь не слышно голосов, нет этих утомительных вибраций, которые так раздражают и мучают его. Зорро закрыл глаза: возможно, во сне он окажется в другом месте. И вот он уже в снегу. Ветер наполнен горько-сладким запахом леса: из-под снежного покрывала доносится ментоловый аромат трав, грибы прячутся под влажными корнями деревьев. Зорро унюхал свежие следы — только что

здесь прошли косули; почуял уток, пролетающих над кронами деревьев. Зорро наслаждается симфонией запахов. Они напоминают о добыче и лакомствах. Во сне Зорро чувствует себя свободным. В этом лесу нет места человеческим запахам.

Внезапно раздается свист. Зорро просыпается и спрыгивает с кресла. Он молча выходит из комнаты. Голоса стихли, Джада в своей комнате. Зорро чувствует ее запах за закрытой дверью. Бруно, одетый в куртку, стоит в коридоре. Зорро все понимает и начинает радостно вилять хвостом.

— Пойдем прогуляемся.

Наконец дверь открывается. Зорро вылетает на улицу и бежит до ворот. На улице стемнело, белые вершины гор кажутся простыней, которую трясет ветер. Зорро тянет носом колючий воздух, из его ноздрей вот-вот вырвется пламя. Он прыгает и виляет хвостом. Пойдем, пойдем скорее, лес зовет, птицы свистят в кронах деревьев. Его тело дрожит, еще секунда, и он бросится вперед. Но Зорро себя контролирует, хоть это и непросто. Он не спешит, спокойно поднимается по улице, не теряя из виду Бруно, который проворно идет за ним. Бруно все еще раздражен, прячет руки в карманах. Они доходят до последнего дома на улице. Зорро достаточно одного взгляда своего друга, чтобы понять: теперь он свободен. Пламя в теле разгорается, лапы почти не касаются земли. Он бежит против ветра, наполненного приглушенными от холода запахами. Зорро не останавливается, бежит до тех пор, пока уши и нос не начинают пульсировать теплом. Запахи становятся все более отчетливыми. Они мелькают яркими пятнами, превращаются в круги и квадраты, щекочут язык Зорро, гудят в его ушах.

Снова свист. Зорро останавливается, широко раскрывает глаза, разворачивается и бежит обратно. Бруно стоит рядом с невысоким кустом и разговаривает по телефону. Как только собака, тяжело дыша, подбегает к нему, он убирает телефон в карман и говорит:

— Происшествие. Пойдем.

Происшествие. Зорро знакомо это слово. Он знает, что нужно действовать быстро. Что нужно сразу же отправляться куда-то далеко, в незнакомое место, которое ему предстоит полностью исследовать. Он знает, что там не будет пазла из лесных картинок и запахов, которые нужно найти и сложить, как он сделал только что. На этот раз ему нужно отыскать человеческий след. Зорро смотрит на темное небо. Он понимает, что в этой темноте в незнакомом месте ему предстоит найти пропавшего человека.

3. Городской приют

Мари резко хлопнула дверью автомобиля. Рано или поздно эта развалюха сломается окончательно. Возможно, это случится, если Мари еще раз хлопнет дверью. Сколько раз она ругала себя, просила себя быть аккуратнее. И почему она такая грубая? Нет, сейчас не до того, Мари слишком спешит. Хотя разве дело в спешке? Нет, во всем виноват гнев. Но разве можно оставаться спокойной после таких новостей, которые она получила...

Мари тяжелой походкой идет в сторону офиса. После того как девушка хлопнула дверью, тут же залаяла собака. С каждым шагом лай и поскуливание усиливаются, голоса собак сливаются в общем хоре. Разумеется, солистка в этом хоре — Молли. Она по шуму двигателя определяет, что приехала Мари. Хотя для того чтобы узнать это ведро, может, и не нужно обладать чутьем ищейки. И все же каждый раз Мари немного волнуется: неужели Молли чувствует ее и лает, чтобы поздороваться? Но кто такая Молли? Собака в возрасте десяти лет, не очень молодая и активная. Она одна из немногих обитателей приюта и живет здесь уже давно. Молли, помесь бигля и таксы, никому не нравилась. Она так и не нашла новый дом. Когда Мари стала волонтером приюта, она сразу же выделила Молли из всех. Молли была старушкой, в ее грустных глазах всегда читалась надежда. Она верила, что человек станет ее другом и заберет к себе домой. Но Мари пришла в приют не для того, чтобы забрать собаку. Она хотела помочь всем этим брошенным животным, которые нуждались

в заботе и — самое главное — в ласке, любви и внимании. Она мечтала об этом с детства и ради этого поступила на ветеринарный факультет.

— По-моему, это будет полезным опытом, — сообщила она родителям.

— Только если ты не вернешься домой с одним из этих чудовищ, — отрезал ее отец. Он всегда называл собак чудовищами, словно они были страшными дикими зверями. Как объяснить ему, что Мари с рождения обожает собак? Всех собак в мире — и особенно брошенных, одиноких, никому не нужных. Вроде Молли, которая выглядит не очень-то привлекательно. Редкая коричневая шерсть, огромная голова, коротенькие толстые лапы. Когда Мари была ребенком, она пыталась уговорить родителей подарить ей щенка, но те были непреклонны. Они так и не сдались. Папа — из-за своего отвращения к «чудовищам», мама — из-за того, что любила путешествовать и боялась потерять свободу. Она не хотела отказываться от любимых дорогих гостиниц — туда запрещено привозить животных. В общем, родители были уверены, что любая собака, даже микроскопического размера, станет неподъемной обузой.

— Заведешь собаку, когда вырастешь, — хором повторяли они.

Мари выросла и задумалась: зачем отдавать всю любовь и заботу одной собаке, когда в мире так много одиноких животных? К тому же теперь Мари жила в отдельной квартире. Правда, по размерам она скорее напоминала комнату. Хотя нет, на самом деле новая квартира была даже меньше, чем комната Мари в родительском доме. Но Мари никогда не жаловалась.

Она считала, что ей повезло: поступить в университет и жить отдельно от родителей в квартире — пусть и маленькой, — когда многие из ее друзей теснятся по два-три человека в одной комнате. Их общежития скорее похожи на казармы.

В любом случае, Мари не может завести собаку в такой крошечной квартирке. К тому же она живет в доме, в котором запрещено все: сушить белье за окном, ставить горшки с базиликом на подоконник, оставлять велосипеды во дворе и так далее. Список запретов был таким длинным, что Мари даже не дочитала его до конца. В этом списке почти наверняка был пункт и про собак. Более того, в своей норе Мари хранит только необходимый минимум вещей. Кухня, которой очень гордится хозяин квартиры, больше напоминает часть игрушечного домика, у Мари с трудом получается там что-то приготовить. Она даже боится включать газ: вдруг целый дом взлетит в воздух?

Мари проводит почти все время в университете или в библиотеке. А свободные от учебы часы она решила посвятить волонтерству в приюте. Родители до сих пор спрашивают, почему Мари выбрала именно этот университет в далеком, никому не известном городке, притаившемся возле гор. Ведь у нее было так много отличных вариантов! Например, университет в ее родном городе — огромном и перспективном. Но Мари до смерти надоел мегаполис с шумом, вездесущей рекламой, театрами и кино, магазинами и бутиками, кафе и музеями. Никаких парков, никаких деревьев, никакого запаха леса, никаких животных, разве что крикливые домашние коты и собаки, которых хозяйева одевают в куртки

и ботиночки от дождя. Мари хотелось, чтобы вокруг была природа, чтобы можно было спокойно учиться, наблюдать за животными. Поэтому она выбрала этот маленький университет и вскоре узнала о городском приюте. Он словно ждал ее. Приют построили десять лет назад, он должен был стать домом для самых разных животных. Но довольно скоро финансирование урезали, и приют начал приходить в запустение. К счастью, ему все еще помогали люди вроде Мари, способные в нужный момент починить крышу и лестницу, позвать друга-электрика, чтобы он помог с проводами, которые погрызли мыши, убедить директора торгового центра продавать им корм с огромной скидкой или даже отдавать бесплатно, в качестве спонсорской помощи. Животные в приюте никого не интересовали: ни собачников, которые обычно заводили породистых животных и участвовали в выставках и соревнованиях, ни зоозащитников, которые выбирали более интересных подопечных — арктических китов или средиземноморских тюленей. Некрасивые дворняги вроде Молли оставались в тени. Когда-то приют поддерживала мэрия. А теперь он находился в шаге от закрытия.

Когда Мари стала помогать приюту, плачевная ситуация начала меняться. Например, группа волонтеров разработала логотип и распечатала плакаты. Они также завели страницу в «Фейсбуке», с помощью которой привлекали внимание людей и получали небольшую помощь от спонсоров. Некоторые щедрые и зачастую анонимные посетители странички даже оплачивали месячный запас корма для собаки. И все благодаря акции «Приюти щенка, если ты издалека».

Когда волонтеры решили разработать логотип и распечатать плакаты, в качестве талисмана приюта они единогласно выбрали Молли. Она была одной из первых его обитательниц. И хотя красивой ее не назовешь, она, по мнению фотографа, «своим жалобным взглядом могла растопить любое сердце».

— Да, жалобный, — говорила Мари, когда гуляла с Молли. — Я бы даже сказала, заискивающий. Кто устоит перед такими печальными глазами?

Перед ними и правда никто не мог устоять. Свою грусть собака успокаивала едой. Она росла словно на дрожжах. Молли стала похожей на бочонок, и Мари приходилось следить за ее весом, защищать от ежемесячных нападков ветеринара, который хотел посадить собаку на диету, и не позволять ей выпрашивать у волонтеров еду.

Ах, Молли, Молли! Вот она, виляет хвостом за забором и без конца лает, словно здороваётся: «Привет, Мари! Привет, Мари!»

— Привет, Молли! Я сейчас. Только забегу в офис.

Мари заходит и хлопает дверью. Она чувствует, как внутри нее кипит злость.

— Вот и я, — раздраженно бросает она.

Валерио поднимает глаза на девушку. Его волосы спрятаны под красной повязкой.

— Привет, я уже ухожу.

— И куда же? — Мари смотрит на него с недовольством.

— Слушай, я всех покормил, убрался в загоне. Я ждал только тебя. Я опаздываю.

— А щенки?

Валерио кивает в сторону комнаты у себя за спиной.

— С ними Берта.

— А Марино позвали? — спрашивает Мари.

— Разве это не твоя задача? — Валерио надевает мотоциклетный шлем и исчезает за дверь.

Похоже, он и правда очень спешит. Да, Валерио прав. Обычно Мари сама звонит ветеринару. Почему она не позвонила, пока шла в приют? Девушка злится все сильнее. Слишком много дел для одного дня. До двух часов она была в университете, затем перекусила на ходу, взяла в библиотеке книгу, купила продукты, потому что в холодильнике пусто, даже нет ни одного яйца. По пути в приют Мари сделала несколько звонков и одним глазом проверила почту. Раньше она ненавидела, когда кто-то не вылезает из телефона, а теперь сама стала такой. В приюте случилось пополнение, но Мари смогла приехать только в шесть вечера, после того как позанималась с мальчиком, у которого не ладится с математикой. Слава богу, теперь он даже начал получать четверки: значит, дела идут в гору. Затем Мари пришлось вернуться к своей колымаге со сломанным обогревом, припаркованной через несколько улиц от дома ученика. Мари еще повезло, что она вообще нашла парковку. Там, где она живет, машину припарковать очень сложно, а после семи вечера и вовсе невозможно. Поэтому сегодня после возвращения из приюта Мари придется покорно оставить машину рядом с бывшей пожарной частью, практически в двух километрах от дома. От всех этих мыслей в голове у девушки бушует настоящая буря. И вот она переступает порог офиса в поисках Берты.

Жалобный собачий вой, словно губка, смывает с Мари черный налет тревоги, беспокойства, усталости, злости.